

з Расийской нациянальной бібліятэкі: пытанні правеніенцыі // Актуальныя праблемы істочніковедення: матэрыялы IV міжнароднай навучна-практычнай канферэнцыі к 420-летию даравання гораду Вітэбску магдэбургскага права. Вітэбск, 2017. С. 160—163.

⁴ Они встречаются и в сопроводительных текстах: так, в археографическом предисловии (р. 46, примеч. 89) в номерах пергаменных грамот AGAD допущен сбой на одну единицу, а во введении Василий II ошибочно назван Василием III (р. 28).

⁵ В Архиве внешней политики Российской империи Рамуне Шмигельските-Стукене отказались допустить к оригиналам документов первого раздела Речи Посполитой, ссылаясь на то, что они и так уже изданы (Lenkijos-Lietuvos valstybės padalijimų dokumentai. 1 dalis: Sankt Peterburgo konvencijos. Vilnius, 2008. P. 10).

⁶ Бачинский А.А., Ерусалимский К.Ю., Кочекоская Н.А., Моисеев М.В. Дипломатиче-

ская переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2. С. 111—112; Авдеев А.Г. «Государь» или «господарь»? Об одном элементе титулатуры правителей Московской Руси // Российская история. 2018. № 5. С. 9—16.

⁷ Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius. F 16—24. L. 134. За помощь в работе с этим источником благодарим А.И. Грушу (Минск).

⁸ Впрочем, в указателе на с. 299 Мосальск указан на этой странице.

⁹ Некоторые замечания относительно точности этих переводов см.: Gudmantas K. «Gyventi man su juo meilėje pagal šį raštą...»: keli pastebėjimai apie naująjį LDK ir Maskvos valstybės sutarčių leidimą // Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 45. Vilnius, 2018. P. 234—235.

Ирина Пушкарёва

Рец. на: В.П. Козлов. «Убрать в историю...»: Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI—XX веках. Ч. 1. Конец XVI в. — 1917 г. М.: Издательство РГГУ, 2019. 705 с.

Irina Pushkareva

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: V.P. Kozlov. «Ubrat' v istoriyu...»: Krest'yanskiy rod i poseleniye Tul'skogo kraja v XVI—XX vekah. Ch. 1. Konets XVI v. — 1917 g. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012951-7

При обращении к новой монографии исследователя-архивиста В.П. Козлова вспоминается огромный пласт публикаций по истории русского крестьянства. Своим объёмным исследованием Козлов внёс особый вклад в крестьяноведение России. При создании труда автор явно стремился вписать в контекст огромного полотна аграрной истории страны судьбу представителей крестьянского рода, прошлое которого сохранили архивные документы небольшого сельца (поначалу деревни) Горки в Епифанском уезде Тульской губ. Деревня была известна с конца XVI в. и просуществовала более трёх столетий.

В научный оборот введены «три класса» источников: документальные; официальные, в том числе статистические; «неофициальные», среди которых имеются эго-документы — мемуары, дневники, эпистолярное наследие. Особое внимание автора привлекли материалы Государственного архива Тульской области (ГА ТО), созвучные тем, что сохранены центральными архивохранилищами (РГАДА, ГА РФ, РГАЭ, РГВИА, РГИА). ГА ТО хранит недостаточно использованные источники поместно-вотчинных архивов XVIII — начала XX в. — землевладельцев и душевладельцев князей Голицыных, Юсуповых, графов

Орловых, Орловых-Давыдовых, Бобринских, Оболенских, Олсуфьевых (с. 16—24). В большинстве случаев все они, указывает автор, — «осколки» официальной документации правительственных учреждений. Но при недостатке информации Козлов блестяще применяет метод субституции — использования материалов, более подробно зафиксировавших историю соседних с деревней Горки поселений со сходными социально-экономическими условиями жизни. Автор продолжил свои теоретические разработки, связанные с «классификацией документальной памяти» (с. 25—26). Так, в книге появился новый методологический посыл, смысл которого — определение ступеней прогресса маленькой деревни Тульского края на протяжении столетий. Итоги такого определения малоутешительны: значимость деревни не возрастала, но... важен сам подход, сама постановка проблемы (с. 29—30).

Следуя подходам, использованным ещё В.И. Семевским (речь идёт о манере анализа, подаче фактов), и приняв в расчёт труды И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, многочисленные статьи тульских краеведов, Козлов продолжил изучение узколокального материала, детально и многопланово представив сложность мира русской деревни.

Повествование, разделённое на шесть хронологических отрезков, автор ведёт с истории сельца Епифань конца XVI в. до реформы 1861 г. включительно, анализируя при этом последовательную смену землевладельцев и земледельцев, душевладельцев и крепостных. Задача автора проста в своей утилитарности — поиск первых предков жизнестойкого крестьянского рода Козловых в поселении (деревне) Горки. Земля здесь была закреплена за владельцами при получении жалованных грамот от царей и в итоге

перешла в собственность клана помещиков Протопоповых (с. 359—373).

На основе принципа от общего к частному исследование выполнено по схеме: губерния — уезд — стан (волость) — поселение — община — крестьянский двор — человек. Последние звенья схемы периода преддверия XX в. освещены автором более детально по мере увеличения обнаруженных им источников. Прежде всего это касается «болевых точек» жизни деревни: повинности (барщина, оброк); разделение крестьянских семей; рекрутские наборы; браки; отходничество; землепользование. Детально рассмотрены понятие «тягло», тяговая система русской деревни в центре страны, показана роль этой системы в сохранении крестьянских родов, а также в повседневной жизни крестьян со всеми её противоречиями и усилением барских повинностей (с. 376—377).

Книга как широкая панорама истории русской деревни в родовом измерении — крестьянском и дворянском, подтверждая выводы предшествовавших исследователей, существенно дополняет важными фактами российское крестьяноведение. Особенно ценны те пассажи, где читатель найдёт детальный разбор внутренней организации полу- и крепостнической жизни, взаимоотношений крестьянской общины и помещиков, а также их взаимодействия с государством. При этом автор указывает не только на противоречия, но и на некие совпадающие интересы, особенно в отношении налогов или рекрутских наборов.

Убедительно показано, как и почему с 40-х гг. XIX в. помещичья власть в русской деревне начала «смягчаться» на фоне усиления роли общины. Поэтапно представлено, как аграрный вопрос в России (так и не решённый до 1917 г.) с середины XVIII в. либо сознательно отклады-

вался властью, либо попытки решить его встречали сопротивление со стороны дворянства. В итоге «обмотанный в кокон общины» данный вопрос стал тормозом программы преобразования деревни. В связи с этим Козлов рассмотрел несколько сквозных сюжетов, связанных с процессами перераспределения земли — главной ценности дореволюционной России. В красках показан бурный рост дворянского землевладения, сложные формы его перераспределения среди дворян с конца XVI в., непростые отношения общины и помещиков в XIX столетии. Автор показал, как шёл медленный, но неизбежный после реформы 1861 г. процесс перехода к представителям других сословий земли дворян — через её продажу частным лицам и общинам. Обременительные для крестьян выкупные платежи, констатирует Козлов, породили массовое сопротивление их выплатам и стали одной из причин радикализации крестьянских настроений рубежа XIX—XX вв.

Начавшийся в первые десятилетия XIX в. процесс крестьянского обезземеливания, усилившегося после реформы 1861 г., по мнению автора, был компенсирован во второй половине XIX — начале XX в. различными формами арендных отношений, которые развивались на фоне «возбуждения деревни» при каждом неурожае и прочих бедах, обрушивавшихся на неё весьма часто.

В начале XX в. Горки входили в состав крупного зерноводческого центра русского Черноземья, и очевидно, что сохранение общинного землепользования затормозило в регионе столыпинскую реформу. Автор объясняет причины и истоки этого процесса (с. 608—613), показывая именно общину (при всей её консервативности) организатором крестьянских выступлений на рубеже веков, органом

«крестьянской демократии» и рупором идей «справедливости». Безусловно, эта тульская община стояла на защите традиционных экономических устоев, равно как и политических — монархии и власти.

Экономические сюжеты истории крестьянской деревни в книге органично сплетены с политическими, включая войны и их последствия. Отечественная война 1812 года с её ополчениями явно не была для тульской деревни «праздничным парадом». Следствием войны стал перманентный кризис при каждом «недороде», равно как и усиление тягловых повинностей (с. 201—208). Новым тяжёлым бременем для местных крестьян явилась Крымская война 1853—1856 гг., которая сопровождалась новыми развёрстками и голодом (с. 212—214). Между войнами деревню терзали обычные напасти — холера, падёж скота.

Для крестьян Горок на протяжении столетий оставалось неизменным (вплоть до XX в.) уважительное отношение к государственной власти, являвшейся для них «то грозным, то милостивым регулятором жизненных процессов, последним пристанищем справедливости». «Апелляция к государственной власти была» для крестьян «и реально, и символически последней надеждой найти правду и защитить справедливость». Но царская бюрократия, полагает Козлов, «несмотря на внешнюю и реальную силу, будь то она общероссийского или провинциального ранга, за небольшим исключением являлась самым беспринципным и трусливым слоем российского социума, пекущимся не о государственном благе, а о прибытке» (с. 695).

Лишь в начале XX в. масштабное участие крестьян в неудачных для России военных кампаниях перешло в крестьянское недовольство. Оно,

в свою очередь, повлекло за собой в 1905 г. консолидацию класса малоземельных крестьян, нередко готовых пустить «красного петуха» на помещичьи, казённые, удельные и прочие частновладельческие земли (с. 598—599).

Книга обогащает историографию персонификацией нескольких дворянских и крестьянских родов начиная с конца XVIII в. До середины 60-х гг. XIX в. — это история дворянского мира, связанная с именами декабристов из Епифанского уезда. Впечатляет цифра: из «тех мест» — 27 участников движения, подвергшихся преследованиям и гонениям властей. Запоминаются зарисовки представителей землевладельческого сословия, образы епифанского дворянства — князей Г.Е. Львова, М.В. и В.М. Голицыных, Писаревых, Раевских, Оболенских, Волконских, генерала Измайлова. Они сменяются образами представителей местного крестьянства: кулака Богачёва — стяжателя, безжалостного к судьбе своих сыновей; солдата-отставника Кочеткова, ищущего справедливость в крепостной деревне. И все эти годы рядом с ними в разные периоды жили представители крестьянского клана Козловых, «ожившие» благодаря архивным источникам XVIII—XX вв., выявленным автором, потомки которого живут в тех самых Горках до сих пор.

От устной общинной традиции XVIII в. фамилия «Козлов» перешла в метрические книги (с. 79—87) и передавалась от поколения к поколению, каждое из которых жило с ощущением «домоклова меча» — опасности быть переселёнными или проданными в другие владения. Но судьба хранила этот крестьянский клан (с. 360—373). Его история представлена в книге не как генеалогическое древо, а как сложная система, испы-

тывавшая на себе воздействие многочисленных социально-экономических факторов (барщинной или оброчной систем эксплуатации, крестьянского двора как экономической категории). Немалую роль в сохранении клана Козловых сыграли тягловая система как «системообразующий фактор формирования и поддержания крестьянского рода» (с. 376), соотношение мужского и женского состава двора, особенности характера брачных связей (внутриобщинных, межобщинных, межпоселенческих). По мнению автора, эти показатели со временем почти не менялись, демонстрируя застойные явления в русской деревне, несмотря на развитие отходничества и рост числа крестьян, освобождённых от зависимости после 1861 г.

Клан крестьян Козловых имел минимальный земельный надел, оптимальное число мужских и женских рук. Глава рода, по статусу середняк, видел своё предназначение в труде как гарантию продолжения рода. На грань вымирания его поставил голод 1891 г. Однако клан всё-таки выжил, имея к началу XX в. семь поколений предков. Секреты его жизнестойкости в крепостной России объясняются многим. По меркам любого времени в роду Козловых из Епифани оказывались добропорядочные люди без стяжательских и честолюбивых желаний. Род разросся и утвердился в первое десятилетие XX в. благодаря огромным усилиям прадеда автора книги — Емельяна. В его власти оказались и внутренняя жизнь двора и то, что связано с общинными делами — расчётами наделов земли, оброчными и другими повинностями (с. 373—377, 295—299). С начала XX в. некоторые отходники Козловы стали обосновываться в Москве.

Книга, к сожалению, не имеет указателей, хотя и содержит около 100 таблиц, что явно избыточно. Ко-

личественные данные (представленные с нарушением правил издания — без ссылок на источники) рассеивают внимание читателя дробностью, чередуясь в книге с «экспертными оценками» по десяти признакам уровня жизни крестьян. Понятно, что автор попытался уйти от стандартных характеристик (улучшалась или ухудшалась жизнь крестьян), но на основании приведённых таблиц сделать какие-либо обоснованные выводы тем более невозможно.

Приведённые в книге экспертные заключения слишком отвлечённые (с. 690), хотя общее выражение идей и мыслей автора достаточно ясны и прозрачны. Его увлечённость историей своего рода радует читателей и исследователей. Книга с необычным для научного издания названием («Убрать в историю...») содержит немало ярких сравнений, рождённых жизнью деревни, будь то рассказ о «главном помощнике русского крестьянина» — лошади или жаворонке («недоступной и загадочной птице»), «словно наконецником копья пронзающем голубое небо... сопровождавший веками труд русского крестьянина, своеобразный символ беды или надежды на урожай». Поэтические ноты в восприятии собственной истории, как и во всём повествовании — то, что автор получил

вместе со своим крестьянским происхождением.

Отец автора — крестьянин-колхозник П.И. Козлов, вернувшись с фронта в деревню Горки, с 1950 г. вёл дневник о происходивших там событиях, дополняя его по мере сил вырезками из различных изданий и календарей и раскладывая их по темам. Затем завёртывал в газету и перевязывал верёвочкой получившиеся из вырезок стопки, каждую из которых нумеровал собственноручно и тщательно хранил. Он называл это «убрать в историю», что и определило название книги.

В архивы России вот уже не одно десятилетие идут запросы от тех, кто ищет именитых предков среди дворян, купцов, князей и графов. Крестьянскому роду Козловых повезло, что в одном из его поколений появился талантливый учёный, составивший аналитический портрет клана, семьи, «рисунок» собственного детства, отрочества, юности; описавший всё, что бережно хранится до сегодняшнего дня. Книга В.П. Козлова — пример истинной любви к Родине. Автор гордится своими крестьянскими корнями, демонстрирует глубокое уважение к сельскому труду, высказывает сострадание к людям, на чью долю выпали нелёгкие испытания.